

В щастливой жизни украшают,
 В нещастной случай берегут;
 В домашних трудностях утеха
 И в дальних странствах не помеха,
 Науки пользуют везде:
 Среди народов и в пустыне,
 В градском шуму и на едине;
 В покое сладки и в труде.

Этот слабый перевод дает вам лишь очень неопределенную идею о красоте нашего поэта; но он показывает вам, по крайней мере, идеи поэта и парение его гения.

К сожалению, к столь разнообразным талантам примешивается недостаток, искажающий порою его стихи и низводящий их с той ступени совершенства, которую они могли бы достичь: это — отсутствие нежности, той стороны поэзии, которая требует вкуса и тонкости и которая в наибольшей степени украшает произведение. Он, кажется, совершенно не признает искусства говорить к сердцу, характеризовать любовь и изображать чувство; способный чертить мужественные штрихи, он слаб при изображении трогательного; оттенки ускользают от него, они, кажется, убегают из-под его кисти, и, желая стать более нежным, он становится холодным, утомительным и однообразным. Но ему должно простить то, чего ему недостает, во имя того, чем он обладает; малейшего из блестящих его свойств довольно, чтобы подтвердить это; и кто же мог бы вообще отличиться во всех родах.

К славе великого поэта он присоединяет звание удачного прозаика; его похвальная речь Петру Великому¹ — бессмертное произведение, приносящее за раз похвалу герою и автору. Мужественное, возвышенное красноречие царит в этой речи беспредельно; без труда обнаруживается тут гений возвышенный, всегда стоящий выше того, что он предпринимает.

Что касается Сумарокова, то он отличился в совершенно ином роде, именно, драматическом. Он первый открыл нам красоты этого жанра; лишенный творческого гения, он умеет с ловкостью подражать; неспособный подняться до Корнеля, он избрал в образец Расина; живость его мысли дополняется сухостью

¹ Слово похвальное Петру Великому было напечатано в 1754 г.